

Иннокентий Анненский

Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье

Иннокентий Анненский

**Эстетика «Мертвых
душ» и ее наследье**

«Public Domain»

1911

Анненский И. Ф.

Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье / И. Ф. Анненский —
«Public Domain», 1911

«На низком и глубоком стуле сидит похудевший донельзя человек; на нем халатик и трогательно смятая вокруг тонкой шеи белая сорочка, с которой как бы не сошел еще отпечаток мучительной ночи. Сидит он, немного подавшись вперед, и смотрит прямо перед собою, и в самой позе его чувствуется то особое, пристальное, как бы хищное любопытство, которое умел испытывать только Гоголь. Да – это Гоголь. Это – его тревожная заостренность черт, и его, столь для нас близкая, глянцевито завесившая ухо, скобка волос...»

© Анненский И. Ф., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Иннокентий Анненский

Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье

На низком и глубоком стуле сидит похуевший донельзя человек; на нем халатик и трогательно смятая вокруг тонкой шеи белая сорочка, с которой как бы не сошел еще отпечаток мучительной ночи. Сидит он, немного подавшись вперед, и смотрит прямо перед собою, и в самой позе его чувствуется то особое, пристальное, как бы хищное любопытство, которое умел испытывать только Гоголь.

Да – это Гоголь. Это – его тревожная заостренность черт, и его, столь для нас близкая, глянцеви́то завесившая ухо, скобка волос.

Прямо перед сидящим – широкий раствор очага, и огонь наивно похож там на прихотливо разросшийся тропический куст.

В ногах у Гоголя, возле самого огня, – казачок на корточках и ждет его приказаний. Один небольшой сверток мальчик, не глядя, уже подпалил, а другой и покоробившаяся от соседства с пламенем тетрадка ожидают своей очереди.

На камине не столько вещь, как эмблема – часы, но, должно быть, уже с тонко звенящим, больше не державинским боем.¹ На втором плане накрытый точно для молебна столик и там античная люцерна² и кто-то крылатый сделал последний шаг, чтобы дунуть на огонь светильника и погасить существование Гоголя. Но крылатому стало страшно или грустно? Он неловко осел на выступившую уже правую ногу и так и замер, закрыв лицо бескровными кистями рук. А в распахнутой двери остановилась сплошь, с головою, закрытая белая фигура, книзу расходящаяся конусом, и чья-то невидная рука высоко держит перед покрывалом небольшой и поблескивающий потир.

Я пересказал вам один наивный и трогательный рисунок,³ сделанный в самый год смерти Гоголя. Вот еще, значит, когда началась гоголевская легенда. Я бы хотел, однако, посмотреть на рисунок Солоницкого немножко иначе, чем привыкли мы это делать, говоря о смерти Гоголя особенно. Забудем, хоть на минуту, о трагедиях. Пусть Гоголь здесь в последний раз и, несмотря на все немощи, страхи и напутствия, переживает еще раз и вопреки всему тот восторг дорожных созерцаний, в котором когда-то волшебным образом слились для нас и Гоголь-фантаст, и Гоголь-реалист, и Гоголь-раздумья, и Гоголь-смеха, и Гоголь-ястреб, и сентиментальный Гоголь.

Пусть это не свиток загорается с отнятым у нас сокровищем, а уже готовый потухнуть – вспыхивает напоследок и тот единственный в мире поэт, который умел слить в экстатической любви к бытию, – не к жизни, а именно к бытию, – пыльный ящик с гвоздями и серой и золотую полосу на востоке и у которого прозрачный и огненный лист клена, даже сияя из густой темноты своей, не дерзал кичиться перед рябым столбом придорожья.

Пусть это еще прежний Гоголь устроил себе перед очагом последний праздник золотого перебирания страниц жизни, где, фантастически сменяясь, проходят перед ним пятна картин, то солнечных, то туманных, то лунных. Вот безвестный городишко весь засыпан месяцем. Вон – переправа на скользко-туманном рассвете. Вон – сад сомлел от полудня. И не опять ли сладострастно чередуется для Гоголя это, еще в детстве излюбленное им, засыпание в бодрящем холодке уже сдавшейся ночи и томное пробуждение под солнцем, почти отвесным. И ведь именно там, в дороге, даже скорей, пожалуй, в воспоминании о дороге, и рождались не только

¹ ...часы, но, должно быть, уже с тонко звенящим, больше не державинским боем. – Подразумеваются строки из стихотворения Державина «На смерть князя Мещерского»: «Глагол времен! металла звон! / Твой страшный глас меня смущает...»

² ...античная люцерна... – фонарь, лампа (лат.).

³ ...наивный и трогательный рисунок... – Анненский пишет о гравюре Александра Степановича Солоницкого «Последние дни жизни Н. В. Гоголя» (сделана в 1852 г.; хранится в ГПБ).

дразнящие пятна гоголевских картин, но и гениальнейшие из его синтезов. И даже самая Русь-Русь, чего ты хочешь от меня? – и та не была ли она лишь полудетским миражом в итальянской панораме воспоминания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.